

CLIVE BARKER

HELLBOUND HEART

CABAL

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА

Посвящается Мэри

Хотел бы дух любовника призвать я,
Что до рожденья Купидона жил.
*Джон Донн. Божество любви*¹

---

¹ Перевод М. Бородицкой.

ОДИН

Уж так Фрэнку не терпелось открыть шкатулку Лемаршана, что он даже не услышал, когда начал звонить большой колокол. Игрушку создал настоящий мастер, и тайна ее заключалась вот в чем: Фрэнку говорили, что в ней таятся настоящие чудеса, но, похоже, способа добраться до них просто не существовало, на шести черных лакированных гранях не нашлось ни одной подсказки, куда следует нажать, чтобы хоть один кусок этой трехмерной головоломки отделился от другого.

Фрэнк уже видел такие — например, в Гонконге, плод китайской склонности к метафизике, воплощенной в твердой древесине — но к изящности и техническому гению китайцев француз привнес свою собственную извращенную логику. Если в ребусе и существовала система, Фрэнк не мог ее найти. Лишь после нескольких часов проб и ошибок случайное положение большого пальца, среднего и мизинца дало результат: раздался едва слышный щелчок, а потом — победа! — целый сегмент скользнул в сторону.

Последовали два открытия.

Во-первых, изнутри шкатулка была отшлифована до блеска. Отражение Фрэнка — искаженное, раздробленное — скакало по лакированной поверхности. Во-вторых, этот самый Лемаршан, в свое время прославленный конструктор механических певчих птиц, сделал коробку так, что ее открытие запуская музыкальный механизм, и теперь тот принялся брэнчать коротенькое рондо восхитительной банальности.

Вдохновленный успехом, Фрэнк принялся лихорадочно возиться со шкатулкой, быстро находя все новые сочетания бороздок, пазов и хорошо смазанных шестеренок, которые, в свою очередь, вели к дальнейшим сложностям. И с каждым решением — с каждым новым поворотом или усилием — в дело вступал новый музыкальный элемент, в мелодии появлялись контрапункты, она развивалась, и вскоре изначальное каприччио почти растворилось в аранжировке.

Пока Фрэнк трудился, начал звонить колокол — равномерно и торжественно. Фрэнк его не услышал, по крайней мере, не осознал этого. Но когда головоломка почти разрешилась — когда развязался узел зеркальных внутренностей — он вдруг понял, что в животе мутит от звона, словно тот не унимался уже лет сто.

Фрэнк оторвался от работы. Поначалу решил, что шум идет откуда-то с улицы — но быстро отмел этот вариант. Возиться со шкатулкой конструктора птиц Фрэнк начал около полуночи; с тех пор прошло

несколько часов — чего он бы и не заметил, если бы не носил часы сам. В этом городе не было церкви, — как бы отчаянно та не хотела привлечь новых прихожан в свое лоно — которая в такое время решилась бы звонить в колокол.

Нет. Звук шел откуда-то издалека, он доносился из-за двери (все еще невидимой), которую по замыслу и должна была открывать чудесная шкатулка Лемаршана. Все, что обещал Кирхер — человек, продавший ее, — оказалось правдой! Фрэнк стоял на пороге нового мира, края бесконечно далекого от комнаты, где он сейчас сидел.

Бесконечно далекого; но неожиданно столь близкого.

От этой мысли его дыхание участилось. Фрэнк так сильно ждал этого момента, так тщательно планировал разрыв завесы, приложив к этому все силы своего разума. Мгновение — и они будут здесь, те, кого Кирхер называл сенобитами, теологами Ордена Разреза. Призванные, оторванные от экспериментов в высших измерениях удовольствия, они принесут свои неподвластные времени головы в мир дождя и неудач.

Всю прошлую неделю Фрэнк неустанно работал, готовя комнату для их визита. Тщательно отскоблил голые доски и усыпал их лепестками. Около западной стены воздвиг нечто вроде алтаря, украшенного умиротворяющими дарами, которые, как заверял Кирхер, поспособствуют любезности гостей: костями, иглами и конфетами. Кувшин с мочой Фрэнка — он собирал ее целых семь дней — стоял на

алтаре с левой стороны на случай, если им вдруг понадобится совершить акт самоосквернения. Справа находилось блюдо с голубиными головами, их также посоветовал припасти Кирхер.

Фрэнк не упустил из виду ни единой части ритуала. Ни один кардинал, жаждущий влезть в башмаки рыбака, не мог бы выказать большего усердия.

Но теперь, когда колокольный звон стал громче, заглушив музыкальную шкатулку, Фрэнк испугался.

Слишком поздно, пробормотал он про себя, надеясь унять растущий страх. Устройство Лемаршана раскрылось: последнее сочленение повернулось. Уже не осталось времени для уловок или сожалений. К тому же разве не рискнул он жизнью и рассудком, лишь бы приоткрыть завесу реальности? Прямо сейчас распахивалась дверь навстречу наслаждению, о существовании которого знала лишь горстка людей, но вкуса его не ведала — наслаждения, которое заново определит даже свойства восприятия и вырвет Фрэнка из постылого круга желаний, соблазнений и разочарований, что преследовал его с самого отрочества. Новое знание изменит все, разве не так? Ни один человек не смог бы испытать глубину подобных чувств и остаться прежним.

Голая лампочка посередине комнаты потускнела и засияла вновь, засияла и опять потускнела. Она подчинялась ритму колокола, с каждым новым ударом вспыхивая как никогда прежде. В перерывах между звоном в комнате воцарялась абсолютная тьма; словно мир, в котором Фрэнк жил вот уже двадцать девять лет, исчезал. Потом снова гремел

колокол, и лампочка вновь загоралась так ярко, будто и не гасла, а Фрэнк на несколько драгоценных минут снова оказывался в знакомом месте, где дверь вела на лестницу и оттуда на улицу, а из окна — будь у Фрэнка воля (или силы) поднять жалюзи — он мог бы увидеть призрак утра.

С каждым ударом свет от лампочки открывал все больше. Восточную стену словно кто-то свежевал; кирпичи теряли плотность, а потом и вовсе исчезли; в то самое мгновение Фрэнк увидел место, откуда доносился звон. Это был мир птиц? Огромных черных птиц, застигнутых врасплох нескончаемой бурей? Вот и все, что он смог разобрать в измерении, откуда — прямо сейчас — шли иерофанты: в нем царило смятение, хаос, в нем было множество хрупких, изломанных существ, которые поднимались и падали, питая черный воздух собственным страхом.

А потом стена вновь обрела материальность, колокол замолк. Лампочка потухла. На этот раз без всякой надежды на воскресение.

Фрэнк стоял во тьме, как будто онемев. Даже если бы он сейчас вспомнил заготовленную речь, то язык не смог бы сформулировать ни слова. Он приотворился мертвым во рту.

А потом — свет.

Шел он от *них*: четырех сенобитов, которые теперь, когда стена затвердела, стояли в комнате. Прерывистое свечение, как сияние глубоководных рыб: голубое, холодное, неприглядное. Фрэнка вдруг поразило то, что он ни разу не поинтересовался тем, как они могут выглядеть. Его воображение, всегда

такое изобретательное, когда дело касалось обмана и воровства, во всех других отношениях было крайне скудным. Он не мог представить себе превосходство, а потому даже не пытался.

Вот только почему он так встревожился, стоило ему их увидеть? Может, из-за шрамов, покрывающих каждый сантиметр их тел, из-за плоти, косметически проткнутой, разрезанной, скрепленной какими-то пряжками, а потом присыпанной золой? Или из-за запаха ванили, который от них шел, чья сладость мало скрывала настоящий смрад? Или же дело заключалось в том, что свет становился все ярче, а Фрэнк вглядывался в гостей все пристальнее, и в этих изуродованных лицах не увидел ни намёка на радость, даже на элементарную человечность: лишь безумие, отчаяние и страсть, от которых его кишки заныли, вознамерившись тут же опорожниться.

— Что это за город? — поинтересовался один из четырех; Фрэнк с большим трудом мог предположить, какого тот пола. Одежда пришельцев, ткань которой иногда была вшита в кожу, а иногда проходила сквозь нее, скрывала все половые признаки, а в остатках голоса или в намеренно изувеченных чертах лица ничто не давало и намёка на отгадку. Крючки, которые пронзали веки существа, с помощью сложной системы цепочек, проходящих сквозь плоть и кости, были связаны с такими же крючками в нижней губе, и когда оно заговорило, первые задержались от движения, обнажая поблескивающее от крови мясо.

— Вам был задан вопрос, — сказало оно.

Фрэнк не ответил. Название города — это последнее, что сейчас приходило ему в голову.

— Вы нас понимаете? — потребовала ответа фигура, стоящая рядом с первым оратором. Ее голос, в отличие от спутника, был слабым, с придыханием — голосом возбужденной девочки. Каждый сантиметр головы этого сенобита покрывала затейливая татуировка в виде сетки, а на пересечениях горизонтальных и вертикальных осей в кость была вбита украшенная драгоценным камнем булавка. Множество их поблескивало даже у него в языке.

— Вы вообще знаете, кто мы? — спросило оно.

— Да, — наконец выдавил из себя Фрэнк. — Знаю.

Как иначе? Он и Кирхер долгими ночами обсуждали намеки, подсмотренные в дневниках Болинброка и Жилия де Ре. Он изучил все, что человечество знало об Ордене Разреза.

И все же... он ожидал чего-то иного. Ожидал хотя бы знака, говорящего о невероятном величии, которое было им ведомо. Он думал, что они хотя бы придут с женщинами: намасленными женщинами, женщинами с грудями, полными молока; выбритыми и мускулистыми для актов любви; с надушенными губами, с дрожащими от предвкушения бедрами, с увесистыми ягодицами, как любил Фрэнк. Он ожидал вздохов, томных тел, распростертых на полу, подобно живому ковру; он ожидал девственных шлюх, каждое отверстие которых было бы открыто его желаниям, чьи умения вознесли бы его — вверх, вверх — к немислимым вершинам экстаза. Весь мир

исчез бы в их объятиях. Фрэнк превознесли бы за его похоть, а не презирали.

Но нет. Ни женщин, ни вздохов. Только эти бесполое существа с морщинистой кожей.

Теперь заговорило третье. Оно было чудовищно шрамировано — а раны выпестовали так, что те вздулись волдырями, — его глаза практически исчезли, а слова искажал обезображенный рот.

— Чего вы хотите? — спросило оно.

Фрэнк внимательно рассмотрел вопрошающего, с ним он чувствовал себя куда увереннее, чем с первыми двумя. С каждой секундой страх испарялся. Воспоминания об ужасающем месте за стеной отступали. Он остался наедине с этими немощными декадентами с их смрадом, причудливым уродством и столь очевидной хрупкостью. Единственное, чего он теперь боялся, так это тошноты.

— Кирхер сказал, что вас будет пятеро, — ответил Фрэнк.

— Инженер придет, если момент будет тому соответствовать, — последовал ответ. — И все же, мы спрашиваем вас: *Чего вы хотите?*

А почему бы не ответить им прямо?

— Наслаждения. Кирхер сказал, что вам известно все о наслаждении.

— О, это так, — протянуло первое существо. — О любом, которое вы можете пожелать.

— Да?

— Разумеется. Разумеется. — Оно уставилось на него своими чересчур открытыми глазами. — О чем вы мечтали?

Вопрос, заданный так прямо, смутил Фрэнка. Как он мог облечь в слова сущность фантазмов, созданных его либидо? Он все еще подыскивал правильные выражения, когда один из гостей сказал:

— Этот мир... он вас разочаровывает?

— И весьма.

— Вы не первый, кто устал от его тривиальности. Были и другие.

— Не так много,— добавило существо с размеченным булавками лицом.

— Воистину так. С десятков от силы. Но лишь немногие осмелились воспользоваться Конфигурацией Лемаршана. Люди, вроде вас, жадные до новых возможностей, те, кто услышал о наших способностях, неизвестных в вашей стороне.

— Я ожидал... — начал Фрэнк.

— Мы знаем, чего вы ожидали,— ответил сенобит.— Мы глубоко и в полной мере понимаем природу вашего неистовства. Оно знакомо нам в высшей степени.

Фрэнк хмыкнул:

— Значит, вы знаете, о чем я мечтал. Вы можете дать мне подобное наслаждение.

Лицо существа словно вскрылось, его губы загнулись назад: улыбка, как у бабуина.

— Не так, как вы его понимаете,— последовал ответ.

Фрэнк уже открыл рот, но существо взмахом руки приказало ему молчать.

— Нервные окончания можно довести до такого состояния,— сказало оно,— которое ваше вообра-

жение, в какой бы лихорадке оно не пребывало, не может и помыслить.

— ...да?

— О да. Совершенно верно. Ваша самая драгоценная извращенность — лишь детская игра по сравнению с тем опытом, который предлагаем мы.

— Хотите ли вы приобщиться к нему? — спросил второй сенобит.

Фрэнк окинул взглядом их шрамы и крючки. И снова ему не хватило слов.

— *Хотите?*

Снаружи, где-то рядом, скоро пробудится мир. Он следил за его пробуждением из окна этой самой комнаты день за днем, видел, как тот, копошась, отправляется на очередной круг бесплодных поисков, и Фрэнк знал, прекрасно знал: там не осталось ничего, что было бы способно возбудить его. Никакого жара, один только пот. Никакой страсти, лишь неожиданная похоть и такое же неожиданное безразличие. И потому Фрэнк отринул подобное разочарование. И если для этого ему придется истолковать знаки, принесенные этими существами, то это неплохая цена за высокую цель. И он был готов ее заплатить.

— Покажите мне.

— Пути назад не будет. Вы это понимаете?

— *Покажите мне.*

Им не потребовалось дальнейшего приглашения, чтобы поднять занавес. Фрэнк услышал, как скрипнула, словно открывшись, дверь, и, когда повернулся, выяснил, что мир за порогом растворился в

той же самой переполненной паникой тьме, откуда раньше вышли члены Ордена. Он вновь посмотрел на сенобитов, желая получить хоть какое-то объяснение. Но те исчезли. Правда, не пропали бесследно. Они забрали с собой цветы, оставив лишь голые половицы, а на алтаре подношения начали чернеть, как будто их сжигало свирепое, но невидимое пламя. Фрэнк почувствовал в воздухе запах гари; та ударила в ноздри столь резко, что, казалось, из носа сейчас хлынет кровь.

Но она стала только началом. Стоило Фрэнку ее ощутить, как еще с десятков других запахов наполнили его разум. Ароматы, которые до того он едва замечал, неожиданно обрели невероятную силу. Непреходящее благоухание унесенных цветов; запах краски на потолки и живицы в дереве под ногами — все это ударило в голову. Он даже мог учуять темноту за дверью, а в ней смрад от помета сотен тысяч птиц.

Фрэнк закрыл нос и рот рукой, лишь бы ослабить этот натиск, но из-за вони от пота на пальцах у него закружилась голова. Его бы вырвало, но тут в мозг хлынул поток новых ощущений, идущих от каждого нервного окончания и вкусового сосочка.

Казалось, он чувствовал, как пылинки сталкиваются с его кожей. От каждого вдоха горели губы, от каждого моргания — глаза. Желчь жгла горло, а из-за кусочка вчерашней говядины, застрявшего в зубах, всю систему свело спазмами, когда с него на язык упала капелька подливки.

Уши стали не менее чувствительны. Голова раскалывалась от тысячи звуков, некоторые из них

Фрэнк породил сам. Воздух, разбивающийся о барабанные перепонки, был ураганом, газы в кишечнике — громом. Но существовали и другие шумы — не счесть им числа — атаковавшие его откуда-то из вне. Голоса, кричащие от злости, шепоты любви, рев и дребезжание, обрывки песен, рыдания.

Неужели так звучал мир — утро, врывавшееся в тысячи домов? Фрэнк не мог прислушаться; какофония лишила его возможности анализировать.

Но было кое-что похуже. Глаза! Боже, он понятия не имел, что возможно такое мучение; он, тот, кто считал, что на Земле нет ничего, способного его поразить. Как же теперь его кружило! Повсюду зрение!

Обыкновенная штукатурка на потолке обернулась жуткой географией мазков. Простой узор на рубашке — невыносимо запутанным переплетением нитей. В углу Фрэнк увидел клеща на голове мертвого голубя, увидел, как тот мигнул, распознав, что его заметили. Слишком много всего! Слишком много!

В ужасе Фрэнк закрыл глаза. Но внутри оказалось даже больше, чем снаружи; воспоминания, чья жестокость потрясла его до грани бесчувствия. Он пил молоко матери и давился; чувствовал руку брата на шее (Драка, родственное объятие? Неважно, в любом случае он задыхался). И еще больше; сильно больше. Короткая жизнь, полная впечатлений, идеальным почерком записанных на коре головного мозга, и теперь все они разрушали психику Фрэнка своим настойчивым желанием того, чтобы о них вспомнили.